

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2016, Том 4, номер 1 (январь - февраль) <http://mir-nauki.com/vol4-1.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/11PDMN116.pdf>

Статья опубликована 24.02.2016.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петров В.Б. Нравственные уроки классики в пьесе Михаила Булгакова «Последние дни» // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/11PDMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 37

Петров Василий Борисович

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет», Россия, Екатеринбург

Профессор кафедры «Социально-культурных технологий»

Доктор филологических наук

E-mail: 45master91@mail.ru

Нравственные уроки классики в пьесе Михаила Булгакова «Последние дни»

Аннотация. В статье рассматривается нравственно-философский аспект пьесы Михаила Булгакова «Последние дни». Творческий путь Булгакова связан с художественным осмыслением драматических, а иногда и трагических судеб великих писателей. Стремление соотнести классику и современность, желание с благодарностью вспомнить о своих великих учителях осталось у Михаила Булгакова до последних дней. Личность Пушкина – поэта и гражданина – интересовала Булгакова всегда. Писатель к пушкинским стихам обращается в наиболее драматические периоды своей творческой жизни. Особенно значимым для него было то, что Пушкин своею судьбой подтвердил сформулированную им мысль о несовместимости гения и черни, поэта и толпы.

В пьесе «Последние дни» драматург исходит из того, что подлинный художник живет в своих творениях, и потому, выводя за рамки развития событий фигуру Поэта, драматург воссоздает этот образ в подтексте. Отсутствие на сцене главного героя компенсируется иными средствами: то и дело звучат его стихи, все реплики и поступки действующих лиц так или иначе связаны с Пушкиным. В результате внесценический персонаж становится центральным. Отдельные ремарки вместе с репликами других персонажей создают впечатление, что великий поэт находится если не сцене, то рядом с нею и вот-вот появится перед зрителями.

Художественная мысль автора создает в пьесе некую оценочную шкалу, где на одном полюсе – интриги, низость, зависть, предательство, а на другом – величие гения и бессмертие его стихов.

Ключевые слова: Булгаков; Пушкин; пьеса; внесценический персонаж; стихи; буря; лейтмотив; гений и толпа; нравственный суд

Становление Булгакова-художника неразрывно связано с осмыслением традиционной для русской литературы и во многом автобиографической проблемы самореализации творческой личности. Тема драматических, а подчас и трагических судеб писателей, их столкновения с деспотией и обывательским сознанием занимает Булгакова на протяжении всего творческого пути. «Записки на манжетах» и «Записки покойника (Театральный роман)», «Жизнь господина де Мольера» и «Кабала святош (Мольер)», «Тайному другу» и «Последние

дни (Пушкин)», «Мастер и Маргарита» – эти произведения охватывают всю гамму оценочных характеристик конфликта художника с окружающим его миром: от гротескно-фарсовых до возвышенно-трагических. Стремление соотнести классику с современностью, желание прикоснуться благодарной памятью к своим великим учителям осталось у Михаила Булгакова до последних дней. При этом ценность личности определяется временем. Именно оно выступает нравственным судьей, отмечая все мелочное, ничтожное и оставляя истинно прекрасное.

Личность Пушкина – поэта и гражданина – интересовала Булгакова всегда. Этот бессмертный образ на уровне упоминаний, мотивов, аллюзий, реминисценций присутствует практически во всех крупных его произведениях. «Нарастание эстетизма в конце XIX века переросло в эстетический бунт символистов, и проблема Пушкина <...> оказалась на острие полемики» [3, с. 24]. Поэзия Пушкина удивительным образом «примиряла» два полюса русского эстетического сознания «эстетизм» и «утилитаризм», хотя каждый понимал поэта по-своему. Для Булгакова было особенно значимым то, что Пушкин своею судьбой подтвердил сформулированную им мысль о несовместимости гения и черни, поэта и толпы.

Первые упоминания о замысле Булгакова написать пьесу о Пушкине относятся к осени 1934 года, когда писатель начинает вести первую «подготовительную тетрадь» к будущей пьесе. Сергей Ермолинский так описывает свой разговор с Булгаковым: «Однажды, понизив голос до шепота, он сообщил: «Пишу пьесу о Пушкине. Об этом никому. Пьесу о Пушкине, но в ней не будет Пушкина. Понимаешь? Величайшая тайна!» [2, с. 469].

Булгаков исходит из того, что подлинный художник живет в своих творениях, и потому, выводя за рамки развития событий фигуру Поэта, драматург воссоздает этот образ в подтексте. Согласно булгаковскому замыслу отсутствие на сцене главного героя компенсируется иными средствами: то и дело звучат его стихи, все реплики и поступки действующих лиц так или иначе связаны с Пушкиным. В результате внесценический персонаж становится центральным. Отдельные ремарки вместе с репликами других персонажей создают впечатление, что великий поэт находится если не сцене, то рядом с нею и вот-вот появится перед зрителями: «В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней Никита, а за ним **мелькнул и прошел вглубь кабинета какой-то человек** (здесь и в дальнейшем курсив мой – В.П.). В глубине кабинета зажгли свет.

Никита (глухо, в глубине кабинета). Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. (Входит в гостиную.) Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас» [1, т.3, с. 619].

Тревожно-фантастический колорит пьесы «Последние дни (Пушкин)» создается не только традиционными сценическими (повороты сюжета, ритм действия, символически звучащие реплики) и внесценическими (ремарки–описания) средствами, но и звучанием пушкинских стихов, которые не только «уравновешивают» отсутствие великого поэта в пьесе, но и комментируют происходящее. Жертвуя полнотой сюжета, драматург создает особое настроение, которое воспринимается и как отражение трагических «последних дней» Поэта, и как посмертный реквием ему. Пушкин словно бы сотворил тот мир, в котором пребывают герои булгаковской пьесы.

Подмечая характерное в пушкинской поэзии, Вл.Соловьев писал: «Основной отличительный признак этой поэзии – ее свобода...» [6, с. 398]. Словно развивая эту мысль, Д. Мережковский подчеркивает, что Пушкин «менее всего был рожден политическим борцом и проповедником. Он дорожил свободой, как внутренней стихией, необходимой для развития гения» [4, с. 10]. Булгаков сразу же обращает внимание на удивительную гармонию пушкинской поэзии и окружающей героев пьесы природной стихии. Так, в ремарке читаем: «Горят две свечи на стареньком фортепьяно и свечи в углу возле стоячих часов. Через

открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. <...>. Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепьяно, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова **то бьют, то играют**. Гончарова тихо наигрывает на фортепьяно и напевает. **За окном слышна вьюга**». И тут же, словно из ремарки, рождается первая музыкальная реплика пьесы:

«ГОНЧАРОВА (напевает). <...> «...Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... **Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...**» [1, т.3, с. 615 – 616].

Последующий диалог «комментирует» созвучие природной стихии и пушкинских стихов, исполненных вдохновением, созидающих «то прекрасное, что по самому существу своему и есть нравственно доброе» (Вл. Соловьев [6, с. 398]):

«Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи... **крутит, вертит! И в глаза, и в уши!**.. (Пауза.) Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

ГОНЧАРОВА. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. **Воет в трубе, истинный бог, как дитя**. Прекрасное сочинение» [1, т.3, с. 616].

Пушкинские строки «Буря мглою небо кроет...», семикратно повторяясь в тексте пьесы, становятся ее лейтмотивом; при этом и в тексте, и в подтексте возникают уже знакомые нам по роману «Белая гвардия» символические образы бури, метели, вихря, вьюги, мглы и снега, воспроизводящие напряженную, драматическую атмосферу, окружающую Пушкина в последние дни:

«Пушкина. <...> буря-то какая, господи! Нас засекло снегом» [1, т.3, с. 620];

«Строганов. <...> Я не помню такой метели» [1, т.3, с. 648];

«Пение постепенно переходит в свист вьюги. Ночь.<...> Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть в метели» [1, т.3, с. 663].

Причем, если для Пушкина «буря», «метель», «вьюга» – родственная стихия, то для его недругов – напротив:

«Дантес. <...> Мне представляется, что, ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату» [1, т.3, с. 646].

«Битков. <...> Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст... Вот тебе и помер...» [1, т.3, с. 665].

«Буря мглою небо кроет...». Прозвучав в исполнении Александры Николаевны, эти строки повторяются сначала в доносах Биткова и Богомазова, а затем в размышлениях Дубельта и Биткова (в финале пьесы). Пьеса не случайно начинается и завершается пушкинскими стихами, столь много значащими для самого Булгакова.

Характерно, что к пушкинским строкам писатель обращается в наиболее драматические периоды своей творческой жизни. Так, «Белой гвардии» предпослан эпитафия из «Капитанской дочки»: «Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. – Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!». В «Днях Турбиных» юнкера, распиливая гимназические парты, поют: «Буря мглою...» на лихой солдатский напев; пушкинская тема звучит здесь как эсхатологическая. В пьесе «Последние дни (Пушкин)» традиционный мотив получает иную окраску. Из всеобщего хаоса природной и социальной стихии под

магическим воздействием пушкинских строк слагается гармония «стихии поэтической». Созвучие поэтической, природной и социальной сфер воспринимается и как вечное торжество Поэта, и как оправдание его крестного пути.

Художественная мысль автора создает в пьесе некую оценочную шкалу, где на одном полюсе – интриги, низость, зависть, предательство, а на другом – величие гения и бессмертие его стихов. Раскаяние Иуды – верное тому подтверждение. «Промежуточным звеном» воспринимается гибель «невольника чести», которая, подобно распятию Христа, становится трагической закономерностью. Сквозь призму булгаковской фантазии банальная истина о том, что «нет пророка в своем отечестве», окрашивается не только трагическими, но и комическими красками. Так, в интерпретации Шишкина тема страстей господних звучит в откровенно фарсовом ключе:

«Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надобно» [1, т.3, с. 617].

Столь же сатирически поданы современные иуды, получающие за свои доносы «по старой таксе». Расплачиваясь с сыщиком Битковым, Дубельт невольно проводит евангельскую параллель: «Ступай к Василию Максимовичу, скажи, что я приказал выписать **тридцать** рублей. <...> «Иуда искаротский иде ко архиереям, они же обещахша сребреники дати...». И было этих сребреников, друг любезный, **тридцать**. В память его всем так и плачу» [1, т.3, с. 641].

Немногим отличается от рядового филера действительный статский советник Богомазов – доносчик не по должности, но по «велению души». Вот после его очередного доноса в ответ на богомазовское признание («Исполняю свой долг») Дубельт привычно произносит: «Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич? <...> А я вам триста выпишу для ровного счета, **тридцать червонцев**. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу» [1, т.3, с. 642].

По мысли автора, мир доносчиков и клеветников, завистников и лицемеров не может опорочить Поэта, принизить величие его творчества. Окололитературные беседы лишь приоткрывают завесу мнимой беспристрастности участников и выявляют подлинность настоящего таланта:

«КУКОЛЬНИК. <...> У Пушкина было дарованье, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он растратил, разменял его! Он угасил свой малый светильник... он стал бесплоден, как смоковница! <...> Единственно, что он сохранил, – это самонадеянность! И какой надменный тон, какая резкость в суждениях! Мне жаль его! <...>

Воронцова (на пороге библиотеки). Все, что вы говорили, неправда. (Пауза.) <...> Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение! Но, увы, у него много завистников и врагов! И вы простите меня, но мне кажется, я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека» [1, т.3, с. 630].

Зло, по Булгакову, уже тем опасно, что не гнушается никакими средствами для достижения цели. Потому-то, вероятно, подлецы более активны и, стремясь навязать свою точку зрения, сами раскрываются в первую очередь. Продолжением темы клеветы становятся диалоги Долгорукова и Богомазова, Долгорукова и Воронцовой во втором действии пьесы, спровоцированные двумя последовательными эпизодами сторонних ухаживаний за Натальей Николаевной (Николай I и Пушкина; Геккерен, Дантес и Пушкина). Реплики Воронцовой и в первом, и во втором действиях пьесы проясняют ситуацию:

«Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись... Вы радовались тому, что какой-то подлец посылает затравленному пасквиль... Вы сами сделали это! И если бы я не боялась нанести ему еще один удар, я бы выдала вас ему! Вас надо убить, как собаку! Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего дома! Вон!» [1, т.3, с. 637 – 638].

Своеобразной персонификацией того темного начала, которое является причиной гибели Поэта, становится в пьесе образ филера Степана Ильича Биткова. Роль соглядатая его поначалу вполне устраивает. Тем более, что подопечный пишет удивительные стихи: «Буря мглою небо кроет...». Запомнив «криминальные» строки, исполнительный доносчик торопливо и без всякого выражения выкладывает их в «уютном застенке» генерала Дубельта. Оставшись один, отечественный Иуда, не ведающий красоты стиха, но интуитивно чувствующий его цену, начинает неожиданно для себя мурлыкать и напевать «привязавшиеся строки». В финале пьесы пушкинские стихи производят последний «отбор в грудях человеческого шлака» (А. Блок): начинается исповедь Биткова.

Филер появляется в избе станционного смотрителя в шубенке на рыбьем меху, в длинном шарфе висельника на шее, а поверх ушей повязанный еще каким-то бабьим платком. Выпив водки, чуть обогревшись, Битков погружается в разматывание какой-то сосущей его мысли, начинает до чего-то докапываться и перед кем-то невидимым оправдываться:

«Битков. **О нас горевать не будут, а ему теперь не холодно.** <...> Ах, сколько я стихов переучил, будь они неладны. <...> Да, стихи сочинял. И из-за тех стихов никому покоя... ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему Степану Ильичу... <...> **Только я на него зла не питал, вот крест.** <...> Одна беда – эти стихи... <...> **Что это меня мозжит?..** Налей-ка мне еще... **Что это меня сосет?..** Да, трудно помирал. Ох, мучился. Пулю-то он ему в живот засадил... <...> (Пауза.) **Только, истинный бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожество...**» [1, т.3, с. 665 – 666].

Быстро теряя полицейскую важность, Битков становится жалким и тоскливым. В запретном упоении, на сдержанном всхлипе Битков начинает читать строки убитого поэта: «Ой, буря!.. Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...». Слышишь, верно, как дитя?.. <...> «То по кровле обветшалай вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко...» [1, т.3, с. 666]. К сожалению, «бессмертие произведений <...> исключает бессмертие произведших их индивидуальностей» (Вл. Соловьев [5, с. 32]). Филер почти рыдает от того, что «причастился» к чему-то несказанно высокому, и, озаренный страшной догадкой, тихо вопрошает сам себя: **«зароем мы его, а будет ли толк?... Опять, может, спокойствия не настанет?..»** [1, т.3, с. 665]. Тема пушкинского гения в пьесе «Последние дни (Пушкин)» решается зеркально – через восприятие маленького, ничтожного человека: так солнце, заполняя мир, отражается и в грязной маленькой лужице.

Зерно пьесы – трагедия Пушкина и то, какую роль сыграл в ней каждый из персонажей. Финальная сцена на глухой почтовой станции как бы подводит итоги, воздавая каждому по делам его. Нечто трагическое есть в том, что после уютной пушкинской квартиры, великолепного дворца, богатого салтыковского дома действие переносится на глухую почтовую станцию в убогую закопченную крестьянскую избу, где горят сальные свечи... холодище... какие-то жандармы... Вся сцена живет тем, «кого везут». Казалось бы, власть одержала победу, нет больше мятежного поэта. Но заключительные строки – «буря мглою небо кроет» – свидетельствуют о всепобеждающей силе искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература–Кристалл, 1997.
2. Ермолинский С.А. Из записок разных лет: Михаил Булгаков, Николай Заболоцкий. – М., 1990. – 256 с.
3. Забровский А.П. Пушкинская традиция в творчестве М.А. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 181 с.
4. Мережковский Д. Вечные спутники: Пушкин. 3-е изд. – СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. – 90 с.
5. Соловьев В. Смысл любви. – Киев: Лыбидь – АСКИ, 1991. – 64 с.
6. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 576 с.

Petrov Vasily Borisovich

Ural state forestry engineering University, Russia, Ekaterinburg
E-mail: 45master91mail.ru

Moral lessons of the classics in a play by Mikhail Bulgakov's "The Last days"

Abstract. The article discusses the moral-philosophical aspect of the play by Mikhail Bulgakov's "the Last days". Creative way Bulgakov is associated with the artistic understanding of the dramatic and sometimes tragic destinies of great writers. The desire to correlate the classics and modernity, the desire gratefully to remember their great teachers left in Mikhail Bulgakov until his last days. The identity of Pushkin – the poet and the citizen – interested in Bulgakov always. The writer to Pushkin's verses addresses in the most dramatic periods of his creative life. What's most important for him was the fact that Pushkin his fate confirmed formulated the idea of the incompatibility of genius and Czerny, the poet and the crowd.

In the play "the Last days" playwright comes from the fact that a true artist lives in his works, and because output beyond the development of events, the figure of the Poet, playwright recreates this image in the subtext. The absence on stage of the main character is compensated by other means: and his sound poems, all remarks and actions of the actors are somehow connected with Pushkin. As a result, the off-stage character becomes Central. Individual remarks along with remarks of other characters give the impression that the great poet is, if not the stage, next to her and is about to appear in front of the audience.

Art the author creates in the play a certain measurement scale, where at one extreme, intrigue, meanness, envy, betrayal, and the other the GREATNESS and the GENIUS of the IMMORTALITY of HIS POEMS.

Keywords: Bulgakov; Pushkin play; off-stage character; the verses; tempest; keynote; and the genius of the crowd; a moral court

REFERENCES

1. Bulgakov M.A. Izbr. soch.: V 3 t. – M. – SPb.: Literatura–Kristall, 1997.
2. Ermolinskiy S.A. Iz zapisok raznykh let: Mikhail Bulgakov, Nikolay Zabolotskiy. – M., 1990. – 256 s.
3. Zabrovskiy A.P. Pushkinskaya traditsiya v tvorchestve M.A. Bulgakova: Dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1994. – 181 s.
4. Merezhevskiy D. Vechnye sputniki: Pushkin. 3-e izd. – SPb.: Izd. M.V. Pirozhkova, 1906. – 90 s.
5. Solov'ev V. Smysl lyubvi. – Kiev: Lybid' – ASKI, 1991. – 64 s.
6. Solov'ev V.S. Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika. – M.: Kniga, 1990. – 576 s.